

Виктор Львович Корчной

Много разного и нехорошего говорили о Викторе Корчном в бытность его гражданином СССР. При этом не признать за ним шахматный талант его заклятые друзья не могли — тот был очевиден. Начав в 13 лет заниматься в секции ленинградского Дворца пионеров и школьников (как именовался в советские годы исторический Аничков дворец), что поздно даже для того времени, Корчной довольно быстро заявил о себе. К 14 годам вошел в число лучших учащихся секции. К 15 стал одним из сильнейших в городе среди сверстников. И дальше по нарастающей: в 1947 году — победитель первенства СССР среди школьников, в 1956-м — гроссмейстер, в 1960-м — впервые выиграл чемпионат СССР...

Помимо таланта повезло ему ещё, конечно, с тренером. Скромный кандидат в мастера Владимир Зак, начинавший трудовую жизнь рабочим-оптиком, слыл одним из лучших в стране специалистов «по выращиванию гроссмейстеров», как шутя, но вместе с тем вполне серьезно, говорил о нем сам Корчной. Неудиви-

тельно, что многие ученики, став взрослыми, не хотели расставаться с ним. Как и Корчной. Когда ему, бывшему уже студентом истфака Ленинградского государственного университета, предложили перейти от Зака к другому тренеру — гроссмейстеру Александру Толушу, он ответил на это предложение категорическим отказом и со свойственной ему с малых лет прямоотой: «Во-первых, я — не изменник. Во-вторых, лучше тренера, чем Владимир Григорьевич, не только в СССР нет, но и в мире».

Талант? Безусловно. Везение? Да. Но и характер, без которого в жизни вообще мало чего добьёшься. А уж в спорте, тем более, в шахматах, тем более в годы, когда далеко не всё решалось за шахматной доской!..

Но именно характер не устраивал в Корчном власть, и тех его коллег, кто предпочитал с властью если не дружить, то, как минимум, не ссориться с ней. А он всегда говорил то, что считал нужным сказать, ни с кем не сверяя свои суждения, ни на кого не оглядываясь. Бывал при этом достаточно категоричным, даже резким, нередко эксцентричным. Причем, как на людях, так и в узком кругу коллег-гроссмейстеров, немало постаравшихся, чтобы создать ему «ореол» человека неуживчивого. Хотя его эксцентричность не выглядела нарочитой. Шла изнутри, от природы, проявляясь, как правило, в ситуациях, требовавших принципиальности, а не сомнительно-примирительного соглашательства. Подобных ситуаций в его долгой и насыщенной событиями жизни хватало.

О многих из них он рассказал в своей автобиографической книге «Шахматы без пощады». Подробно изложил в ней также причины невольного своего бегства из родной страны. «Невольного» — потому, что не хотел этого, но вынужден был. Главная причина, как говорил, а потом писал, «в том, что не выпускали за границу играть в международных турнирах». После одного из тех не частых для него в 1970-е годы турниров, который проходил в Голландии, Корчной попросил политическое убежище.

В том, что он не рвался на Запад, Виктор Львович не лукавил. Доказательством тому — его приезд в Петербург в 1992-м году. Случилось это вскоре после получения им швейцарского гражданства. Как рассказывал мне Борис Хропов, один из организаторов первой после «отъезда на ПМЖ» поездки Корчного на Родину, в Петербурге готовы были удовлетворить любые запросы экс-Злодея.

«Злодеем» именовался Виктор Львович в неких секретных документах то ли властных структур, то ли силовых ведомств советской поры. Он знал об этом, посмеивался над «шпионской кличкой», с некоторой, правда, досадой: «Ну, какой из меня злодей?»

Запросы у гроссмейстера Корчного были достаточно скромные. Особенно в сравнении с теми, что предъявляли к приглашающей стороне другие наши именитые иммигранты. Гостиница? Та, что недалеко от Смольного, в которой прежде селились партийные босы средней руки. Достаточно комфортная, с вышколенной обслугой и добротной кухней, но без изысков и довольно тихая. Экскурсии? В Царское село, Эрмитаж. Встречи с поклонниками шахмат? Да. Соглашался

практически со всеми пунктами предлагаемого ему райдера. Если вспомнить, сколько нервов потрепали приглашающей стороне ещё одни «наши швейцарцы» — фигуристы Белоусова и Протопопов, несколько лет подряд отвергавшие приглашения из-за их «недостаточного финансового обеспечения», райдер Корчного кажется более чем скромным, даже аскетичным.

Когда книжка «Шахматы без пощады» вышла в России, то разошлась практически влет. В том числе потому, что хорошо написана. Сам Корчной на встрече с журналистами в один из приездов объяснял: писал не сам, с помощниками, знающими толк в литературных делах. Говорил, что заслуга в её составлении и редакции принадлежит именно им. Явно поскромничал. Он, несомненно, обладал литературным даром. Пусть и не таким мощным, как шахматным. Это чувствовалось не только по его многочисленным публикациям, но и потому как говорил — образно, всегда к месту используя поговорки, к слову — анекдот, которых имел неисчерпаемый запас.

Сказались, не исключено, гены деда по материнской линии. Герш Азбель, отец его непутовой матери-пианистки Зельды Гершевной, оставившей после развода своего пятилетнего ребенка на попечение экс-мужа, был довольно известным писателем в местечке Борисполь, что близ Киева, на Украине. О чем, впрочем, Корчной не любил распространяться. Возможно, как раз из-за матери.

Особенность, которая бросалась в глаза при встрече с ним — двигался он своеобразно. Не то, чтобы бочком, нет. Для человека с таким независимым характером, какой был у него, подобное, наверное, и невозможно. Но и не «прямо по курсу, твердой походкой печатающая шаг». Передвигался так, словно сторонился при ходьбе тех, кто шел рядом.

Частично объяснилась для меня эта его особенность весной 1995 года. Корчного в тот его приезд пригласили выступить перед начинающими шахматистами городского Дворца творчества юных, что на Фонтанке, — тот самый, советских времен Дворец пионеров и школьников. Выступление проходило в небольшом актовом зале старого здания бывшего дворцового комплекса, помнившего, наверное, его самого ещё школьником. Войдя, он с нескрываемым любопытством оглядел собравшихся, среди которых взрослых его поклонников (в том числе, журналистов) было не меньше, чем детворы. Тем не менее, счел нужным заметить: «Я воспитывался в стенах этого здания вместе с вашими бабушками и дедушками, и многие из вас, наверное, представляли меня совсем старым. Но что касается моей шахматной игры, то в дедушки записываться мне ещё рано. Играю я очень живо и бодро, голова у меня работает — будь здоров! Недавно выступал в зональном турнире первенства мира, где большинство моих соперников были совсем молодые ещё люди. Набрал 10 очков из 15, и, разделив второе-третье места, вышел в межзональный турнир. Так что все, как видите, нормально».

В том, что у 64-летнего тогда Корчного все нормально с головой, да и вообще в жизни, никто и не сомневался. Выглядел он моложе своих лет. Держался уверенно. За годы эмиграции «прирос» новыми для себя «приметами», обретая,

в частности, лоск, прежде ему не свойственный. Порой казалось, сам не совсем ещё с ним «сроднился». Общаясь с залом, например, то и дело одергивал пиджак «категории «премиум». Периодически стряхивал невидимые пылинки с брюк, обращавшие на себя внимание идеально ровной «стрелкой». Те, кто знал Виктора Львовича «времен СССР», вспоминали, что в ту пору не замечали, чтобы особо заботился о своем внешнем виде. Или просто возможности не было, тратиться на «премиумы»?

Общаясь с залом стоя, ни разу не присев за час с лишком, он то и дело поворачивался к публике боком, то одним, то другим. Создавалось впечатление, что ему жмут ботинки. Ну, или какая-нибудь другая деталь одежды. А, может, думалось, вовсе и не в одежде дело... И это его странная манера смотреть при разговоре куда-то в сторону и вниз, не на ведущего, не на тех, кто задаёт вопросы.

Те из моих коллег, кто встречался с ним прежде, до его переезда на жительство в Европу, заметили по данному поводу, что Корчной «научился кокетничать с публикой». На кокетство, однако, это мало походило. Да и тема встречи после первых почти восторженных минут приветствия и славословий никак не располагала к тому. Говорили, в частности, о его личном отношении к Анатолию Карпову и к Гарри Каспарову. В те годы оба считались официальными и «полноценными» чемпионами мира. Карпов — по версии Международной федерации (ФИДЕ), Каспаров — по версии Профессиональной шахматной ассоциации, одним из создателей которой он сам и являлся. А был ещё чемпион «теневой» — Бобби Фишер.

Виктор Львович отвечал обстоятельно, как будто играл важную и в то же время хорошо знакомую ему партию: «В 1972 году Роберт Фишер был без сомнения сильнейшим шахматистом планеты, может быть, даже всех времен. Но он, к сожалению, говорил много глупостей и вел себя в высшей степени неприлично, чем настроил против себя всех, разрушил легенду. И если он сейчас в тени, то так ему и надо. Пусть в тени и остается. Что касается Карпова — первый раз он стал чемпионом с помощью КГБ, потом — с помощью Кампоманеса (филиппинец Флоренсио Кампоманес возглавлял ФИДЕ с 1982 по 1995 гг. — авт.). Нет сомнений в том, что действительно сильнейший сейчас Каспаров. Играет он блестяще. Вот только с принципами у него очень плохо. Его недавний альянс с Кампоманесом был для меня в какой-то степени неожиданностью. Я, знаете ли, очень не люблю, даже презираю людей беспринципных».

«Запретных» вопросов для Корчного не существовало. Отвечал на любые. Иной раз посмеиваясь, но смешок, в зависимости от предложенной темы, был либо саркастическим, либо с ноткой раздражения.

Такая нотка проскользнула лишь раз за всю встречу — когда его спросили, нет ли желания вернуться домой, в Россию, отказавшись от жизни в Швейцарии. Мол, понятно, в конце 1970-х, когда покидали СССР, в стране «царили застой и КГБ», но теперь-то «всё совсем иначе»!

«Я отвергаю формулировку «вы покинули», — довольно резко стал говорить он. — Нет, вы меня вытолкнули. Всем миром! Официальные власти толкали в спину, а вы своим молчанием помогали им!»

Выдержал паузу, переводя дыхание. Заговорил снова уже спокойнее:

«Вернуться на Родину? Родина — это круг друзей. Скучают обычно не по месту, а по людям. А у меня в России почти никого не осталось. Перееду я сюда жить, и что же — буду всё время один? Я сказал себе в 1976 году: «Уезжаю навсегда!» И никакой ностальгии не испытываю».

И опять смотрел куда-то в сторону, неестественно закинув голову. Какая-то нервность чувствовалась в нем. Может, он специально «разжигал» этот внутренний «огонь», подпитывающий его энергию?

Ровесник Корчного, международный арбитр Александр Геллер, с которым они вместе учились в шахматной секции, как-то заметил по этому поводу: «Я Корчного хорошо изучил за долгие годы общения. И давно понял: чем больше его злят, тем лучше он играет. Для него любой конфликт — с соперником ли, с арбитрами, с ФИДЕ — своего рода допинг. И если он сумел чего-то добиться в шахматах, то во многом благодаря тому, что жизнь его не была спокойной».

Кто-то скажет: спорное утверждение. Но, вспомним: когда Виктор Львович остался жить на Западе, к нему долго не отпускали жену и сына. Более того, сына отправили в тюрьму под предлогом уклонения от службы в армии. Он страшно возмущался. Как раз в это время (1978 год) начался его матч в Багио с Анатолием Карповым за звание чемпиона мира. По регламенту борьба продолжалась до шести побед одного из участников. Проигрывая по ходу матча — 1:4, затем — 2:5, Корчной сопротивлялся отчаянно и сумел сравнять счет — 5:5. Правда, в итоге, все же проиграл — 5:6 (всего было сыграно 32 партии). По мнению экспертов, отечественных и зарубежных, если бы не его личная драма, если бы семья выехала на Запад вместе с ним или сразу за ним, то матч в Багио превратился бы для Карпова в пустую формальность...

В 1990-е годы петербургский спорт переживал не лучшие времена. Город чуть было не лишился своего шахматного клуба из-за «войны собственников». Шахматные школы теряли тренеров из-за низкой зарплаты. Но что особенно было плохо — один за другим уезжали за рубеж именитые мастера и знаменитые гроссмейстеры. В какой-то момент чемпионат Северной столицы, в прежние годы не уступавший по накалу всесоюзному, превратился в заурядный междусобойчик.

Но именно на девяностые пришелся у нас настоящий шахматный бум. Такого количества престижных международных турниров с участием практически всех сильнейших игроков мира как тогда, не было никогда. Не успевал завершиться один, как начиналась подготовка к следующему, ещё более интригующему. Даже краткое перечисление событий тех лет впечатляет: матч команд г. Беер-Шевы (Израиль) и Петербурга; Спартакиада СНГ; Мемориал Фурмана; турнир к 50-летию Победы. Кроме этого — мемориалы Михаила Чигорина, Людмилы Руденко.

Матч Виктора Корчного и Анатолия Карпова в Багио в 1978 году

А ещё — турнир, посвященный 300-летию Петербурга; матчевые встречи команд двух столиц...

А сколько перебивало гостей на этих праздниках шахматной жизни — легендарные Михаил Ботвинник и Василий Смыслов, оба тогда уже в серьезном возрасте; Борис Спасский и «вечный диссидент» Гарри Каспаров, Анатолий Карпов и, конечно, Виктор Корчной, не скрывавший ту радость, которую доставляли ему поездки на родину.

Творец того питерского «чуда Каиссы» — Борис Хропов. В середине девяностых он возглавлял городскую шахматную федерацию. Потом ещё пять лет, до 2004 года, был вице-президентом. То есть, «рулил» в общей сложности одиннадцать лет. А казалось — сто одиннадцать, столько успел! И ведь умел находить со всеми общий язык. Что с чиновниками, от которых зависел в чисто организационных делах. Что с шахматистами, в большинстве своем амбициозными, избалованными вниманием и оттого нередко капризными.

Среди его «придумок» и «Матч 12-ти гроссмейстеров», о котором 10-й чемпион мира Борис Спасский говорил: «Это лучшее, что я видел в своей жизни». Сам Борис Васильевич участия в нем не принимал. В том смысле, что не сидел за доской с фигурами. Но с интересом следил за ходом борьбы, активно комментировал, в том числе, для прессы, отдельные партии, встречался с болельщиками.

Корчной же, если приезжал в Россию, то в первую очередь, чтобы играть. Жаден был до игры. И всегда играл на результат, независимо от статуса турнира. Гроссмейстер Марк Тайманов любил рассказывать историю одной своей партии

с ним. Дело было в начале 1970-х годов. Соревновались шахматисты спортивных обществ. Тайманов выступал за «Буревестник», Корчной — за «Труд». На один из дней турнира пришелся семейный праздник Виктора Львовича. Вместе с женой Беллой он пригласил в дом гостей, в том числе и Марка Евгеньевича, который пообещал Белле «сделать с её мужем быструю ничью», и успеть к юбилейному ужину. Благо, партия была не так уж важна для обоих, на турнирное положение команд не влияла. «Игра началась, мы быстро сделали первые ходы, — вспоминал Тайманов. — А потом Корчной погрузился в раздумье. Наконец я не выдержал, предложил ничью. В ответ — резкий отказ. Через несколько часов он выиграл». Когда друзья-соперники приехали домой к Корчному, гости уже разошлись, жена была вся в слезах из-за испорченного торжества. А он сам оправдывался тем, что «полностью был захвачен борьбой».

Подобных историй в жизни Виктора Львовича хватало. Я же, слушая её, вспоминала иную. Конец мая 2003 года, Дом радио, где в честь 300-летия Петербурга проходила матчевая встреча между сборными командами Парижа и Петербурга.

Проводилась она по новейшим на тот момент технологиям, с применением уникальных компьютерных систем, разработанных петербургскими учеными. Соперники играли, находясь друг от друга на расстоянии нескольких тысяч километров: наши — на берегах Невы, оппоненты — на берегах Сены. Ходы каждого участника передавались в считанные доли секунды, при этом соперники могли видеть друг друга на установленных в игровых залах экранах.

Корчной, давно уже гражданин Швейцарии, выступал за «наших», то есть, находился в Доме радио. Конечно, грех было бы не воспользоваться возможностью пообщаться с ним. Пока важные персоны из числа почетных гостей произносили приветственные речи, подседа к нему, поинтересовалась, нравится ли, как отмечается юбилей родного города?

— Мне все это решительно безразлично, — ответил он, как показалось, неохотно, даже не посмотрев в мою сторону. — Я приехал в Россию несколько недель назад, участвовал в командном первенстве страны в Тольятти. Там нас засудили. Надеюсь здесь, в Петербурге, судейство будет объективным. Могу сказать о данном матче: я против того, чтобы его называли поединком сборных Петербурга и Парижа. Скорее, сильнейших шахматистов Петербурга против остальной Европы.

— Надо так понимать, что вы по-прежнему числите себя петербуржцем?

— Я здесь родился и вырос. Это — мой город! Матч приурочен к его 300-летию юбилею. То есть, тут не только спортивная сторона, но и элементы шоу. Мы встречаемся с заведомо более сильным соперником. Но наш город — с шахматными традициями, и мы будем бороться, чтобы устоять.

Тут его позвали в соседнее помещение, где как раз запускали компьютерную систему дистанционных шахмат. Он ушел туда. Вскоре матч начался. Продолжался он не один час. Время от времени шахматисты выходили в большой зал, где гости спортивного вечера обсуждали вместе с журналистами ситуации за игровыми столиками, ну, или кому что было интересно. Появился в какой-то

момент в зале и Корчной. Почти никем не замеченным. Встал у большого окна, спиной к нему. Я прошла пару раз близ него: взгляд отстраненный, явно никого и ничего вокруг не замечает. Заговорить не решилась.

Но если нельзя пообщаться, то можно же, наверное, сфотографировать? Он скорее всего и не заметит, занятый своими мыслями. Как раз рядом оказался знакомый фотокор одного из городских изданий. Шепнула ему: сними меня с Корчным! Пока знакомый наводил камеру, подошла к гроссмейстеру, встала сбоку почти вплотную к нему. Только что голову на плечо не положила. Корчной, к слову, был рослым, выше моих 180 см, пропорционально сложенный, статный. Если бы не его привычка «делать рожу», играя мимическими мышцами даже когда молчит, то вполне можно было назвать его привлекательным мужчиной.

Словом, стою, позирую на фоне шахматной знаменитости. В полной уверенности, что он ничего не замечает, поглощенный собственной партией с парижским соперником. И в этот момент раздается крик: «Кто разрешал вам фотографировать меня? На каком основании вы это делаете?»

Как выяснилось, Виктор Львович, внешне отстраненный, сосредоточенный на продолжающемся шахматном матче, прекрасно всё вокруг видел и слышал. Просто до поры не подавал вида. Когда же журналисты чуть ли не на шею стали садиться...

Впрочем, тем коротким окриком всё и ограничилось. Раздувать скандал он не стал. А вскоре и вовсе ушел из зала, вернувшись в игровое пространство.

Тот поистине исторический матч, давший старт российским виртуальным шахматным турнирам, команда Петербурга выиграла со счетом 2,5–1,5 очка.

...Во время одной из наших с ним бесед Виктор Львович признался, что решил играть «до последнего своего дня». Иначе, сказал, просто не видит «никакого смысла жить». В последний раз он приезжал в Петербург в 2009-м. Выглядел неважно, сетовал на боль в глазах и плохое зрение (когда-то перенес несколько тяжелых офтальмологических операций), но от участия в соревнованиях не отказывался. В августе 2011 года, в возрасте 80 лет, выиграл ветеранский турнир в честь 100-летия М. М. Ботвинника. В 2015-м, 84-летним, стал старейшим на Земле действующим гроссмейстером. Передвигался он тогда уже в инвалидном кресле. Но оставался все таким же азартным и бескомпромиссным за шахматной доской. Если бы дожил до ста лет, до ста бы, несомненно, и играл.

23 марта Виктору Корчному исполнился бы 91 год.

Фотографии взяты из интернета